

Елизавета Дмитриева
(Кушелева-Томановская)
(1851-1898)

Елизавета Лукинична, урождённая Кушелева, была дочерью отставного майора гусарского полка Луки Ивановича Кушелева, участника войн с Наполеоном I. Мать Елизаветы - К. Д. Троскевич, вторая жена Луки Ивановича, - была долгое время его прислугой и сестрой милосердия. По принятии православия она получила имя Натальи Егоровны.

С матерью Елизаветы отец долгое время обращался пренебрежительно и только тогда узаконил браком свои близкие с нею отношения, когда она спасла его жизнь во время покушения на него нескольких крепостных крестьян. Крестьяне очень любили Наталью Егоровну, мать Елизаветы Лукиничны, называли её своим "ангелом-хранителем". "Ради тебя мы его не убьём, - сказали они, опустив топоры, - но будь он проклят"*.

Такова была обстановка, в которой родилась Елизавета в мае 1851 г. в наследственном имении отца - селе Волоке, Холмского уезда. Восемь лет спустя отец её умер от апоплексического удара.

- (Ив. Книжник-Ветров, Детство и юность Елизаветы Дмитриевой (К истории связей русских социалистов с Марксом), "Каторга и ссылка" № 11 (72), 1930 г., стр. 68.)

Жестокое обращение Кушелева с крестьянами, порка людей и издевательства над ними - всё это не могло не зародить в маленькой Елизавете глубокого сочувствия к угнетённым крепостным и первого протеста против крепостного быта.

Наталья Егоровна, мать её, жалела и лечила крестьян, которые к ней обращались, и часто сама навещала больных на дому. Это была женщина редкой доброты, готовая всем поделиться с нуждающимся. Вместе с нею ходила в крестьянские избы и дочь, знакомясь со страданиями крепостных и с их убогой жизнью.

Елизавета Лукинична и все её братья и сестры получили в доме отца отличное образование и воспитание. К ним рано были приглашены хорошие учителя и гувернантки - англичанка, француженка и немка. Девочки настолько свободно владели иностранными языками, что в детстве Елизавета Лукинична, по её собственному признанию, даже думала по-французски, а не по-русски.

Среди друзей и знакомых, часто посещавших усадьбу, были люди, настроенные для того времени революционно и оказавшие влияние на молодую Елизавету Лукиничну. К ним следует отнести известного литературного критика, одного из идеологов народничества, Петра Никитича Ткачёва, с произведениями которого девушка знакомилась по передовым журналам 60-х годов ("Русское слово" и "Женский вестник"), не менее известного теоретика народничества Петра Лавровича Лаврова и некоторых других. Начитанная и получившая хорошее образование, Елизавета Лукинична жадно глотала в журналах статьи любимцев прогрессивной России - Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Шелгунова. Особенно сильное влияние оказал на неё Н. Г. Чернышевский. Это влияние чувствовалось ещё много лет спустя, когда Елизавета Лукинична стала членом I Интернационала и была хорошо знакома с К. Марксом. Елизавета Лукинична горела желанием принять участие в революционной деятельности.

Чтобы стать независимой и, уехав за границу, сблизиться там с революционными кругами, Елизавета Лукинична поступила так, как делали тогда многие прогрессивные, жаждавшие знания и свободы русские девушки: она решила вступить в фиктивный брак, который,

помимо желанной независимости, мог принести ей, как дочери состоятельного помещика, приданое, то есть материальную независимость. Обвенчалась она с отставным полковником М. Н. Томановским, который тогда уже был неизлечимо болен чахоткой (от которой и умер несколько лет спустя), и вскоре, в 1868 г., выехала за границу.

Томановская поселилась в Женеве, центре русской революционной эмиграции, где сразу сблизилась с Н. И. Утиным. Николай Исаакович Утин был в ту пору ещё учеником и последователем Чернышевского, Добролюбова, Герцена. Приехав вместе с Герценом в Женеву, они занялись транспортировкой в Россию изданий "Вольной русской типографии". Утин утверждал, что русская революционная эмиграция должна создать за границей центр для непосредственного руководства революционной борьбой в самой России, и убеждал Герцена сделать "Колокол" общеэмигрантским революционным органом. Но ему не удалось уговорить Герцена.

Между тем подъём общедемократического и рабочего движения во второй половине 60-х годов создал весьма благоприятные условия для широкого распространения идей I Интернационала. Во всех странах Европы, в том числе и в Швейцарии, в эти годы быстро росли секции I Интернационала. В 1868 г. Утин вступил в женевскую секцию Интернационала и вскоре сделался одним из близких и доверенных лиц Маркса.

Осенью 1867 г. в Швейцарию прибыл М. А. Бакунин, мечтавший ещё с начала 60-х годов об организации тайного международного общества для борьбы за идеи анархизма в международном рабочем движении. С этой целью им был создан "Альянс социалистической демократии".

Несколько позже Бакунин через членов группы революционных эмигрантов, связанных с Утиным, сумел проникнуть в центральную женевскую секцию Интернационала. Он хотел использовать популярную в широких кругах международного пролетариата организацию. Вместе со своим единомышленником Н. И. Жуковским Бакунин основал в 1868 г. журнал "Народное дело", в редакцию которого привлёк Утина с женой, Жуковского с женой и нескольких членов анархистского Альянса. Как показал уже первый номер "Народного дела", редакция ставила своей целью пропаганду идей анархизма о разрушении государства и т. д. Поскольку направление журнала явно противоречило основным принципам Интернационала, Утин выступил с решительным протестом и потребовал, чтобы русские революционеры добивались преобразования государства в интересах рабочего класса (как этого требовала программа I Интернационала). Бакунин вместе с Жуковским немедленно вышли из состава редакции.

Утин, убеждённый сторонник Генерального совета и К. Маркса, использовал "Народное дело" для борьбы с Бакуниным. Вскоре группа Утина превратилась в организационное ядро русской секции I Интернационала. В 1869 г. Бакунин вступил в Интернационал, объявив Альянс "распущенным". Однако эта организация продолжала существовать тайно и вплоть до Гаагского конгресса вела в Интернационале подрывную работу. Пользуясь своей популярностью среди рабочих романского юга (особенно ремесленных и строительных рабочих Швейцарии, а также всевозможных авантюристических элементов и т. д.), Бакунин успешно вербовал своих сторонников в Италии, Испании, Франции, Швейцарии. В

результате, когда в январе 1869 г. на Женевском съезде произошло слияние всех швейцарских секций, в образовавшейся Романской федерации бакунисты получили большинство.

Елизавета Лукинична Томановская появилась в Швейцарии в разгар ожесточённой борьбы Утина и его сторонников с Бакуниным. Вступив в члены I Интернационала, Томановская сыграла большую роль в русской секции. Основной задачей русской секции Международного Товарищества Рабочих, окончательно оформившейся в начале 1870 г., была революционная борьба против русского царизма. Секция поддерживала связь с разными революционными и социалистическими организациями в России и подчёркивала общность интересов революционного движения России с западноевропейским, отвергая идею якобы "самобытного пути" развития России. Разоблачая на конкретных фактах из жизни русских крестьян реформу 1861 г., русская секция старалась популяризировать решения I Интернационала по земельному вопросу. Правда, некоторые члены секции, в том числе Е. Л. Томановская, не смогли до конца освободиться от народнических взглядов на крестьянство: они, так же как народники, защищали общину, артель и не видели прогрессивности развития капиталистического способа производства в деревне. В отличие от анархистов, отрицавших политическую борьбу рабочего класса, члены русской секции Интернационала не признавали разрыва политической борьбы с экономической, так как существует только одна современная война, "а именно неимущего с имущим, а эта война должна быть ведена неутомимо на всех пунктах"*.

Русская секция придавала большое значение стачке рабочего класса, которая воспитывает людей.

- (См. Р. Ш. Тагиров, Русская секция Международного Товарищества Рабочих и Россия, "Учёные записки Казанского государственного педагогического института", вып. VII, Казань 1949, стр. 114.)

В лице Томановской русская секция приобрела деятельного члена; она успешно разоблачала бакунистов, а позже активно и самоотверженно участвовала в борьбе Парижской Коммуны. Елизавета Лукинична Томановская уже в Женеве знала о Карле Марксе как руководителе I Интернационала и познакомилась с некоторыми его произведениями. Об этом свидетельствуют её письма той поры (например, письмо её к Марксу от 7 января 1871 г.), Елизавета Лукинична горячо отстаивала точку зрения Маркса, разоблачавшего мнимую революционность бакунизма и энергично боровшегося с анархистской деятельностью Бакунина и его сторонников.

После раскола в Женеве Романской федерации Интернационала, где обнаружилось явное засилье бакунистов, Романский федеральный комитет, официально утверждённый Генсоветом, поставил вопрос о невозможности пребывания в Интернационале бакунистского Романского федерального комитета (то есть фактически секции тайного Альянса). По требованию Утина для документальной проверки всех материалов о законности вхождения Альянса в Интернационал было решено послать в Лондон специального представителя - члена русской секции МТР Елизавету Лукиничну Томановскую.

В декабре 1870 г. Е. Л. Томановская явилась в Лондон к Марксу с рекомендательным письмом комитета русской секции I Интернационала, в котором Томановскую называли "лучшим другом, искренно и серьёзно преданным революционному делу в России".

Томановская должна была подробно информировать Маркса о положении в русской секции, а также передать Марксу циркуляры инициативной группы пропаганды, созданной в Женеве Беккером* и другими. Одновременно Комитет секции поручил Томановской тщательно ознакомиться с организацией тред-юнионов и с общественной жизнью Англии.

- (Беккер, Иоганн Филипп (1809-1886) - немецкий коммунист, участник революции 1848-1849 гг. в Германии; организатор немецких секций I Интернационала в Швейцарии; друг Маркса и Энгельса.)

В Лондоне Е. Л. Томановская после знакомства с К. Марксом стала близким другом его семьи.

В начале марта 1871 г. Елизавета Лукинична вернулась в Женеву. Выполняя поручение К. Маркса, она решительно выступила на общем собрании секций Интернационала Женевы во время обсуждения вопроса, был ли Альянс допущен Генеральным советом в Интернационал, как утверждали бакунисты. Она заявила, ссылаясь на слова Маркса и других членов Генсовета, что Альянс никогда не признавался секцией Интернационала. Утин и его друзья, сторонники Маркса, использовали её выступление для разоблачения бакунистов и их интриг.

Томановская оказала, по словам Маркса, большие услуги партии тем, что помогла марксистскому крылу Интернационала в борьбе против Бакунина и его сторонников*.

- (См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 445.)

Немедленно по исполнении поручения Маркса в Женеве Елизавета Лукинична поехала в Париж, где назревали революционные события. Она должна была систематически информировать Генсовет о делах Коммуны. Однако выполнить это задание она полностью не смогла, так как по почте писать было невозможно: связь была прервана и письма попадали в руки версальцев*.

- (См. "Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями", Госполитиздат, 1951, стр. 49.)

В Париже Елизавета Дмитриева (имя, которое приняла Томановская в Париже) встретила со своим другом Бенуа Малоном, левым прудонистом. Страстная преданность народному делу, а также глубокое идейное влияние великих революционных традиций Парижа побудили её к энергичной работе в пользу Коммуны.

В первую очередь Дмитриева занялась работой среди женщин.

Парижские женщины проявляли большую активность уже с первых дней Коммуны. Они устраивали манифестации, создавали санитарные отряды для работы на фронтах и в

городе, организовывали питание на боевых позициях, посылали женщин на постройку и защиту баррикад, направляли женщин на работу и т. д*. Активных участниц Коммуны, по данным версальских судов, было свыше тысячи, из них четверть была без профессии и 800 женщин принадлежало к рабочему классу, занимаясь главным образом ремеслом - портнихи, перчаточницы, корсетницы и т. п.. **В клубах женщины проводили большую агитационную и пропагандистскую работу в пользу Коммуны. Так, одна женщина-оратор говорила в клубе в районе Пасси: "Коммуну мы теперь имеем и никогда от неё не откажемся. Женщина, до сих пор зарабатывавшая только полтора франка, впредь будет зарабатывать три. Наш враг буржуа будет уничтожен. Не будет больше ни попов, ни буржуа!.."***

- (См. П. М. Керженцев, История Парижской Коммуны 1871 г., стр. 421.)

** (См. П. М. Керженцев, История Парижской Коммуны 1871 г., стр. 420.)

*** (См. П. М. Керженцев, История Парижской Коммуны 1871 г., стр. 428.)

В парижских клубах женщины выступали по самым животрепещущим, волновавшим всех вопросам (об обороне, непримиримой борьбе с реакцией, подавлении буржуазии, дезертирстве и т. д.). Женщины-ораторы в клубах часто заявляли о своей полной поддержке декретов Коммуны или же, наоборот, резко критиковали их, высказывая свою точку зрения.

14 мая в приказе командира 12-го легиона было объявлено о создании в составе легиона первой роты "гражданок-волонтёрок". Им поручалось публично, перед фронтом своего батальона, стыдить и обезоруживать дезертиров, а затем лично отводить последних в тюрьму.

"...Первая экзекуция такого рода будет иметь место, - сообщалось в этом приказе, - на проспекте Доменция".

Кроме народных клубов общего типа, где женщины играли большую роль, были основаны специальные клубы женщин, имевшие успех в рабочей среде, например клуб женщин-патриоток.

Маркс на Лондонской конференции Интернационала напоминал: "Во время Парижской Коммуны... они [женщины] проявили больше пыла, нежели мужчины..."*. То же говорил один очевидец: "...Именно поддержка женщин сделала Париж мужественным и гордым"***.

- ("Лондонская конференция I Интернационала", стр. 28.)

** (П. М. Керженцев, История Парижской Коммуны 1871 г., стр. 422.)

Довольно отчётливое представление о деятельности Елизаветы Дмитриевой можно составить по её немногим письмам, которым удалось благополучно проскользнуть из Парижа. Писались эти письма осторожно, из боязни, что они могут попасть в руки врагов. Об одном из них сообщал Марксу Г. Юнг 29 марта 1871 г., уведомляя, что в конце марта Томановская благополучно прибыла в Париж, но что пишет она очень мало; в том же письме

она сообщает о Малоне, который "избран в Коммуну, но принял... участие в ней, не разобравшись в обстановке и, несмотря на свою крайнюю честность, - в движении муниципалитетов против Центрального комитета"* (Национальной гвардии. - А. Л.).

- ("Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны", стр. 170.)

Значительно обстоятельнее было одно из последующих писем Елизаветы Дмитриевой (посланное из Парижа 24 апреля 1871 г.), содержание которого Юнг сообщил Генеральному совету на заседании 2 мая 1871 г. Елизавета Лукинична с жаром упрекала Юнга в том, что он остаётся в Лондоне в бездействии, в то время как Париж находится на краю гибели. Она указывала, что хотя дела Коммуны и хороши, но вначале было совершено много ошибок: "...к крестьянам не обратились вовремя с манифестом, ЦК не сразу сдал полномочия, были недоразумения, ослабившие партию". Жалуясь на изоляцию парижан, она требовала во что бы то ни стало агитировать в провинции за помощь им. Касаясь положения в Париже, Дмитриева сообщала, что за коммунарами сохраняются все позиции, что Париж революционно настроен, а в продовольствии недостатка нет.

В том же письме Е. Дмитриева рассказывала о своей общественной работе: "Я много работаю, мы поднимаем всех женщин Парижа... Приходится выступать каждый вечер, много писать...". Дмитриева ставила перед собой задачу объединить работниц Парижа в союз и оказать тем самым Коммуне действенную помощь. Вместе с Натали Лемель, Луизой Мишель и другими женщинами-активистками Томановская участвовала в создании женского объединения, оформившегося в середине апреля месяца. Томановская вошла в состав Центрального комитета Союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым.

Женский клуб в Батиньольской церкви

Союз женщин сыграл в дни Коммуны огромную роль. Возглавив инициативу широких масс и создав новые формы медицинского обслуживания (группы сестёр милосердия, походные лазареты, строительство барачков для раненых и больных и т. д.), он спас жизнь тысячам бойцов-коммунаров. Оценивая значение деятельности Союза женщин с точки зрения развития рабочего движения, Томановская писала: "Если Коммуна победит, то наша организация из политической превратится в социальную, и мы образуем секции Интернационала. Эта идея имеет большой успех. Вообще интернациональная пропаганда, которую я веду... очень хорошо воспринимается женщинами. Наши собрания посещает от трёх до четырёх тысяч женщин"*.

- ("Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями", стр. 50.)

ЦК Союза женщин не только проводил большую работу в помощь Коммуне, но и выступал как политическая организация. Так, 8 мая 1871 г. в "Journal Officiel" был опубликован манифест, протестовавший от имени Исполнительной комиссии Центрального комитета Союза женщин против анонимной прокламации группы реакционеров, утверждавшей, будто парижские женщины "взывают к великодушию Версаля и просят мира во что бы то ни стало". Манифест заявлял, что "женщины Парижа докажут Франции и всему миру, что они сумеют в минуту крайней опасности, - если версальцы ворвутся в Париж, - на баррикадах и укреплениях отдать, подобно своим братьям, свою кровь и жизнь за Коммуну и её

торжество...".* Под этим манифестом среди многих подписей находится подпись Е. Дмитриевой.

- (А. И. Молок, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах, стр. 424-425.)

В мае ЦК Союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым выступил с призывом к созданию синдикальных и федеральных камер объединённых работниц. Было опубликовано несколько воззваний за подписью Исполнительной комиссии ЦК в составе Натали Лемель, Алины Жакье, Лелу, Бланш Лефевр, Коллен, Жарри, Елизаветы Дмитриевой. Вместо старого лозунга женских комитетов бдительности: "всемирная республика", в этих воззваниях под влиянием члена I Интернационала Елизаветы Дмитриевой и других теперь выдвигался новый лозунг: "социальная революция". С середины апреля по 14 мая Союз женщин провёл 24 публичных собрания, на которых присутствовало очень много женщин.

В Союзе женщин принимали участие не только французские женщины, но много польских, русских и итальянских женщин-активисток.

Русская революционерка Елизавета Дмитриева, молодая, красивая, полная кипучей энергии, производила на всех особенно сильное впечатление. Обычно она была одета в чёрное мантио и носила под ним красный шарф, а на поясе - маленький револьвер. Она часто выступала на собраниях. Воодушевляясь во время речи, она раскрывала полы мантио, и всем видны были красный шарф и револьвер. Излюбленные темы её речей были о Тьере, гражданской войне и о Парижской Коммуне.

Очевидец Сюттер Ломан в своей "Истории национального гвардейца" (1881) описывает виденную им на улице Аббатства толпу женщин с ружьями на плече и с пороховницами по бокам, которые кричали: "Да здравствует Коммуна!" Этими женщинами, численностью до 20, командовала "очень красивая девушка, брюнетка, с вьющимися волосами. Она высока, стройна, хорошо сложена и носит бодро на кончике уха тирольскую фетровую шляпу, украшенную длинным петушиным пером и багровой кокардой".* Очевидно, речь шла о Дмитриевой. В таком виде описывают её и Лефрансэ, и Лиссагарэ, называвший молодую русскую "Теруань этой революции".**.

- (См. Ив. Книжник-Ветров, Героиня Парижской Коммуны Томановская ("Елизавета Дмитриева"), "Летописи марксизма", VII-VIII, 1928 г., стр. 73.)

** (Теруань де Мерикур (1762-1817) - деятельница французской буржуазной революции конца XVIII в., участница взятия Бастилии и похода парижских женщин в Версаль 5-6 октября 1789 г.; пользовалась популярностью у парижан.)

О храбрости Дмитриевой говорит и историк Коммуны Луи Дюбрейль; он сообщает, что "на площади Бланш батальон женщин под командой героической Луизы Мишель и русской Дмитриевой, уже накануне (22 мая) сражавшийся в Батиньоле, обнаружил чудеса храбрости... батальон этот сражался до последнего дня".*

- (Луи Дюбрейль, Коммуна 1871 года, стр. 179.)

Видимо, Елизавете Дмитриевой в начале майской кровавой недели удалось скрыться и спастись не только от мести версальцев, но и, возможно, от агентов русского реакционного правительства. Об этом свидетельствуют материалы Третьего отделения, где в донесении по поводу прокламации, в котором слова "Елизавета Дмитриева" подчёркнуты красным карандашом, секретарь русского посольства в Париже Обресков пояснял:

"Я знал, что эта опасная женщина, русская подданная, уже давно бросилась в социалистическое движение, что она интересовалась бесконечно больше действиями Коммуны, чем ранеными своего походного госпиталя... 23 мая, когда армия атаковала этот квартал, Елизавету Дмитриеву видели на баррикадах; она воодушевляла федератов к сопротивлению, раздавала им амуницию и сама стреляла, стоя во главе около пятидесяти мегер..."*.

- (См. Ив. Книжник-Ветров, Героиня Парижской Коммуны Томановская ("Елизавета Дмитриева"), "Летописи марксизма", VII-VIII, 1928 г., стр. 72-73.)

Действительно, многие рассказывали, что видели Елизавету Дмитриеву на баррикадах 23 мая. Когда был отдан приказ отойти к Монмартру, туда направили отряд, состоявший из 25 женщин, которым командовали Дмитриева и Луиза Мишель. "В этот день, - сообщает Лиссагарэ, - из района Бастилии привели раненых. В их числе была и госпожа X*, которая, сама раненная, поддерживала Франкеля, раненного на баррикаде Сент-Антуанского предместья. Врублевский пришёл из Бютт-о-Кейль. Высокая и статная... поразительно красивая, она, улыбаясь, поддерживала раненого, чья кровь стекала на её элегантно платье. Вот уже много дней, как она отдала всю свою энергию борьбе на баррикадах, ухаживая за ранеными, находя в своём великодушном сердце невероятные силы"**.

- (Елизавета Дмитриева.)

** (Lissagaray, Les nuit journees de mai, p. 115.)

После подавления Коммуны Елизавета Дмитриева долго скрывалась. Только в начале июня стало известно о том, что Томановская спасена. Она покинула Париж, минуя всякого рода препятствия, под градом снарядов и пуль. "Это - чудо, что она спаслась, - писал 4 июня секретарь Романского федерального комитета А. Перре Г. Юнгу в Лондон, - она у нас в Женеве, и мы охраняем её с величайшей заботливостью. Ей удалось с несколькими друзьями и подругами ускользнуть от этой ужасной бойни". В октябре Томановская уехала из Женевы и вернулась в Россию.

Однако в дальнейшем Томановская отходит от политической деятельности. Вернувшись в Россию, она полюбила недостойного человека, замешанного в постыдном уголовном деле, - некоего Ивана Михайловича Давыдовского, и вышла за него замуж, несмотря на все попытки её друга и товарища Утина отговорить её от связи с этим человеком. В конце 1876 г. Утин сообщил К. Марксу, что у Томановской двое детей, а муж её находится в тюрьме по обвинению в принадлежности к обществу мошенников, которые вымогали деньги обманными путями. Томановская обратилась к Утину с просьбой достать 3 тысячи рублей, чтобы уплатить адвокату, который пожелал бы защищать её мужа.

Маркс тепло откликнулся на эту просьбу. Он вскоре написал в Москву М. М. Ковалевскому: "Я узнал, что одна русская дама, оказавшая большие услуги партии, не может из-за недостатка в деньгах найти в Москве адвоката для своего мужа. Я ничего не знаю о ее муже и о том, виновен ли он или нет. Но так как процесс может кончиться ссылкой в Сибирь, и так как г-жа*** решила следовать за своим мужем, которого считает невиновным, то было бы чрезвычайно важно помочь найти ему хотя бы защитника"*.

- (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 445.)

В заключение Маркс просил Ковалевского, чтобы он попросил адвоката Танеева*, которого Маркс с давних пор уважал, как человека, преданного делу освобождения народа, выступить в пользу обвиняемого.

- (Танеев, Владимир Иванович (1840-1921) - московский адвокат, в 70-х годах социалист-народник, в дальнейшем - либерал.)

На суде (процесс "червонных валетов") Давыдовский был признан виновным в том, что, напоив некоего Еремеева, уговорил его подписать, а затем выманил у него безденежные вексельные бланки и вексель на 20 тысяч рублей. За это Давыдовский был лишён всех прав состояния и сослан в Сибирь на поселение. Его жена, Елизавета Лукинична, твёрдо уверенная в его невиновности и в том, что он был безвинно впутан в это грязное дело, выступала на суде в его пользу, всячески стараясь подчеркнуть его положительные нравственные качества. Она верила в него до конца своей жизни и последовала за ним в Сибирь на поселение.

Жила Елизавета Лукинична с мужем сначала в Енисейске, затем близ Красноярска, в селе Заледееве.

Они жили, по её словам, довольно уединённо, в маленьком двухэтажном домике у церкви. Давыдовская всю чёрную работу по дому выполняла сама, ухаживала за коровой и лошадью. Много занималась она со своими двумя дочерьми. Муж её производил, по словам Шебалиной, отличное впечатление своей общительностью и преданностью общественным интересам. К сожалению, красноярская ссыльная колония относилась к Елизавете Лукиничне холодно, скептически и недоверчиво, так как не допускала мысли, чтобы друг Маркса и участница Парижской Коммуны вышла замуж за осуждённого по делу "червонных валетов".

В конце 90-х годов Давыдовский был амнистирован и со всей семьёй переехал в Москву, где Елизавета Лукинична вскоре умерла*.

- (Ив. Книжник-Ветров, Героиня Парижской Коммуны Елизавета Кушелева ("Дмитриева"), "Красная панорама" № 12, 1929 г., стр. 10; Ив. Книжник-Ветров, Героиня Парижской Коммуны Томановская ("Елизавета Дмитриева"), "Летописи марксизма", VII- VIII, 1928 г., стр. 80.)

Версия #1

Зверобой создал 29 мая 2025 07:19:46

Зверобой обновил 29 мая 2025 07:23:36